

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги нашего исследования и переходя к вопросу о верификации трехфакторной модели исторического процесса на российском материале, необходимо напомнить, что эта верификация подразумевала, во-первых, проверку наличия в российском демографическом цикле тех же характерных явлений (или признаков) классического демографического цикла, которые описаны в первой главе. Во-вторых, процесс верификации включал анализ последствий диффузионных волн, которые приходили в Россию в результате совершавшихся в других странах фундаментальных технических открытий.

Как было показано в исследовании, роль демографического фактора в российской истории достаточно адекватно описывается демографически-структурной теорией. Но с другой стороны, демографический фактор был не единственным двигателем исторического процесса и действовал в комбинации с другими факторами, среди которых наибольшее значение имели диффузионный (технологический) и географический факторы. В выводах, завершающих отдельные главы, мы по мере возможности старались показать, каким образом это взаимодействие определяет конкретное протекание исторических процессов. Здесь мы лишь кратко суммируем самые важные следствия, вытекающие из этого анализа.

Период восстановления экономики, начавшийся после Смуты, в соответствии с демографически-структурной теорией характеризовался обилием свободных земель, низким уровнем ренты и налогов, относительно высоким уровнем потребления и быстрым ростом населения. В 1646–1678 годах в границах послесмутного времени население увеличилось, по имеющимся оценкам, с 6,5 до 8,6 млн. и продолжало расти до 1700 года. Однако Смута привела к дисбалансу в численности сословий, и в соответствии с теорией многочисленное дворянство требовало перераспределения ресурсов в свою пользу; в конечном счете это привело к закреплению крестьян по Уложению 1649 года. Закрепление было трансформацией структуры — оно означало качественное изменение отношений в структуре «го-

сударство — народ — элита». Однако ввиду сопротивления крестьянства закрепощение на первых порах не привело к быстрому росту ренты, и положение крестьян в XVII веке оставалось относительно благоприятным. Вслед за закрепощением последовала новая трансформация структуры — создание регулярной армии в ходе реформ Алексея Михайловича и Петра I. Причина этих реформ была связана с действием технологического (диффузионного) фактора, с созданием «полковых пушек», снабженных штыком облегченных мушкетов и с освоением линейной тактики. Так же, как реформы Ивана Грозного, эта новая военная революция повлекла за собой торжество военно-бюрократического абсолютизма, резкое усиление государства, отягчение дворянской службы и увеличение налогов — масштабное перераспределение ресурсов, которое стало причиной структурного кризиса 1723–1726 годов.

Кризис 1723–1726 годов знаменовал начало Сжатия в Центральном районе, которое продолжалось и в 1730-х годах. Однако в 1740–1750-х годах колонизация Черноземья и организация транспортировки хлеба в Центральный район привели к увеличению потребления. Снова начался рост населения, но в основном за счет окраин; в Центре рост был медленным.

В теоретическом контексте процесс колонизации был самым важным явлением экономической истории России XVII–XIX веков, в значительной мере смягчавшим последствия роста населения. Расширение экологической ниши отодвигало кризис перенаселения и привело к тому, что демографический цикл XVII–XIX веков оказался более длительным, чем известные европейские и восточные циклы. Как в обычном демографическом цикле, рост населения сопровождался падением потребления. Однако существовала и другая причина падения уровня жизни — перераспределение ресурсов в структуре «государство — элита — народ».

Ослабление государства, рост численности дворянства и традиционалистская реакция на диффузию прусских порядков в середине XVIII века привели к новой трансформации структуры. Эта дворянская революция доставила господствующее положение элите, и дворянство осуществило масштабное перераспределение ресурсов в свою пользу. На смену влиянию прусского этатизма пришло влияние французской аристократической культуры. Начался рост барщины и оброков, который был связан с резким отягощением крепостнических порядков, приблизивших положение помещичьих крестьян к положению рабов. Об уменьшении потребления в этот период свидетельствует такой показатель, как уменьшение роста рек-

рутов. В конечном счете сужение экологической ниши народа привело к структурному кризису 1787–1788 годов. Дворянство было вынуждено на время смириться с невозможностью увеличения ренты, и более того, в результате инфляции она стала уменьшаться. Со своей стороны, правительство впервые обратилось к мерам этатистского регулирования, которые в период Сжатия проводят многие государства, — и Павел I ограничил размеры крестьянской барщины. При Павле I монархия вновь предприняла попытку трансформации по прусскому образцу, она на время вышла из подчинения дворянству, вновь попыталась регулировать отношения между сословиями и перераспределять в свою пользу экономические ресурсы. Это позволило увеличить военные расходы и усилить армию, но в конечном счете конфликт с дворянством привел к государственному перевороту и гибели Павла I.

Анализ развития России в контексте трехфакторной модели показывает, что события царствования Александра I определялись в основном действием диффузионного фактора. Новая военная революция, вызванная созданием маневренной полевой артиллерии и тактики колонн, породила волну наполеоновских завоеваний и привела к диффузионному распространению французских заимствований. Элементами нового культурного круга были не только новые военные технологии, но и французский конституционализм, а также принципы свободы и равенства сословий. С этим диффузионным влиянием были связаны как конституционные проекты Александра I, так и аналогичные по содержанию планы декабристов. Военный заговор декабристов и восстание в Польше вызвали традиционалистскую реакцию, которая сомкнулась с аналогичной реакцией в Германии и породила традиционалистское и пронемецкое правление Николая I. После неудачных попыток Петра III и Павла I это была уже третья попытка построения в России «регулярного государства» прусского образца — и на этот раз проект преобразований был успешно реализован.

В первой половине XIX века основная часть Европейской России вступила в фазу Сжатия. Имеющаяся информация о посевах и сборах выявляет классическую картину «мальтузианских ножниц»: население растет, а потребление падает и в середине столетия достигает минимально возможной нормы. Эта информация, однако, усредняет картину, скрывая крайне тяжелое положение одной из групп крестьян, крепостного крестьянства, и относительно благополучное положение другой группы, государственных крестьян. В 1816–1825 годах произошло новое резкое увеличение ренты, следствием чего ста-

ло падение потребления; это было главной причиной приостановки роста численности крепостных крестьян, а затем — причиной структурного кризиса 1847–1849 годов. Как утверждает демографически-структурная теория, Сжатие должно было вызвать попытки проведения социальных реформ, направленных на облегчение положения народа, и тенденцию к установлению этактистской монархии. Логично было бы считать, что Великая реформа была именно такой социальной и этактистской реформой, естественным образом вписывающейся в контекст демографически-структурной теории.

Однако необходимо отметить, что демографический фактор действовал не изолированно, а синхронно с диффузионным. Европейская промышленная революция была вместе с тем и новой военной революцией; появление нового западного оружия (прежде всего, штуцеров Энфилда) привело к поражению России в Крымской войне, что в свою очередь дало толчок к модернизации по западно-европейскому образцу. Великая реформа была составной частью процесса модернизации, но вместе с тем она означала новую трансформацию структуры, после которой государство вновь заняло господствующее положение в структуре «государство — народ — элита».

После реформы 1861 года положение бывших крепостных крестьян значительно улучшилось, и рост их численности возобновился. Однако рост населения вызвал уменьшение крестьянских наделов и, несмотря на продолжающееся освоение степного Юга, потребление оставалось на уровне минимальной нормы. Под давлением демографического роста и повторяющегося голода правительство было вынуждено постепенно уменьшать прямые налоги с крестьян. Крестьянство же реагировало на голод и нехватку земли, стараясь повысить урожай более тщательной обработкой наделов и применением удобрений — однако рост населения вскоре поглощал прирост урожайности на крестьянских полях. «Российская деревня оказалась втянута в мальтузианский цикл, в котором население снова и снова догоняло производство», — констатирует Т. Шанин¹.

Картина российского Сжатия второй половины XIX века, за исключением некоторых второстепенных деталей, соответствует классической картине, даваемой демографически-структурной теорией, и мы можем обнаружить в истории России практически все явления, характерные для этой фазы. В частности, Сжатие привело к фрагментации в элите и появлению оппозиционных группировок, которые (в соответствии с теорией) пытались вовлечь в движение народ. Этому способствовали также и процессы модернизации («вестернизации»), обусловившие формирование нового социального слоя, интеллигенции.

Демографически-структурная теория акцентирует необходимость рассмотрения распределения ресурсов в структуре «государство — народ — элита». В этой связи нужно отметить, что в конце XIX века существующее производство в принципе могло обеспечить душевое потребление на уровне 24–25 пудов — уровне, который бы обеспечил социальную стабильность. Однако распределение ресурсов было таково, что значительная часть хлеба принадлежала не массам полуголодного населения, а крупным землевладельцам, которые считали выгодным вывозить зерно за границу. Государство в своих целях способствовало массовому вывозу хлеба, и это привело к новому структурному кризису в 1891–1892 годах.

Необходимо отметить, что поощрение экспорта было в определенной степени связано с этатистской политикой военной и промышленной модернизации. Новое оживление этатистских тенденций было связано не только с необходимостью государственного регулирования в условиях Сжатия, но и с новой диффузионной волной, эпицентром которой была Германия. Победы Германии были обусловлены инновациями в военном деле, прежде всего, появлением стальных пушек. Круппа — однако вместе с крупновскими пушками Россия заимствовала у Германии этатистские традиции и методы государственной индустриализации. В российском варианте эти методы предполагали увеличение налогов и стимулирование зернового экспорта, что вело к уменьшению потребления внутри страны.

На протяжении второй половины XIX века потребление балансировало на уровне, близком к минимальной норме. Однако необходимо учесть, что в экономическом отношении российское крестьянство делилось на две большие группы, бывших государственных и бывших крепостных крестьян, и что бывшие крепостные имели наделы в среднем почти вдвое меньшие, чем бывшие государственные крестьяне. Это приводило к большой разнице в доходах между двумя категориями крестьян, и при том, что среднее потребление было примерно на уровне минимальной нормы, потребление бывших крепостных было ниже нормы, и около половины населения жило в условиях постоянного недоедания. Кроме того, большую роль играли климатические колебания, в отдельные годы уменьшавшие до уровня ниже минимума среднее потребление всего крестьянства. Отсутствие запасов зерна во многих крестьянских хозяйствах делало их крайне неустойчивыми, и это приводило к неустойчивости социально-экономического положения в целом.

Конечно, в условиях начинающейся модернизации введение новой агротехники в перспективе могло обеспечить повышение пот-

ребления и в теории спасти страну от кризиса. Но для этого требовалось по крайней мере «двадцать лет покоя», а скорее всего, существенно больше — условие, реально невыполнимое в обстановке постоянных военных конфликтов. Случайные воздействия, такие, как войны и большие неурожаи, рано или поздно должны были нарушить неустойчивое социально-экономическое равновесие и привести к экосоциальному кризису. Фактически экосоциальный кризис начался уже в 1905 году, и аграрная реформа, которая, по замыслу ее авторов, должна была спасти от него страну, проходила уже в обстановке кризиса.

В период первой русской революции демографический фактор действовал вместе с диффузионным, и это отразилось в совмещении социальной революции с «революцией вестернизации». В конечном итоге, однако, «революция вестернизации» была перекрыта мощным социальным конфликтом, и это обстоятельство показало, что описываемые демографически-структурной теорией внутренние социальные процессы оказались намного сильнее процессов, индуцированных диффузионным влиянием.

В Февральской революции 1917 года главный конфликт — борьба за хлеб и землю, борьба за жизнь — заставил отступить все остальные проблемы на второй план. Февральская «революция без революционеров» выявила мощную роль демографического фактора, его огромное значение для изучения русской истории.

Верификация трехфакторной модели на материале российской истории показывает, что прогнозируемые этой теорией явления отчетливо фиксируются на протяжении трехвекового периода российской истории. При этом определяемая демографическим фактором и описываемая демографически-структурной теорией социально-экономическая динамика составляет основную линию развития общества. На эту базисную динамику накладываются процессы, индуцированные диффузионным фактором, но характер их действия во многом определяется демографическим фактором. В условиях земельного изобилия, когда крестьяне имеют значительные запасы, социально-экономическая система сохраняет достаточную устойчивость, поэтому требуется исключительно сильное воздействие диффузионного фактора, чтобы вывести ее из равновесия. Воздействие диффузионного фактора сказывается главным образом в перераспределении ресурсов внутри структуры; при этом резкое уменьшение ресурсов народа может привести к кризису, как это было в 1723–1726, 1787–1788, 1847–1849 годах. Однако, когда в результате этого сокращения ресурсов начинается голод (то есть радикальным образом проявляются

демографические ограничители), государство и элита немедленно реагируют на это, возвращая народу часть ресурсов, благодаря чему система приходит в относительно стабильное состояние. Таким образом, благодаря наличию ресурсов в отсутствие перенаселения кризисы оказываются временными и преходящими. Наоборот, в условиях перенаселения демографический фактор превращается из стабилизирующего в дестабилизирующий, социально-экономическая система становится неустойчивой, и воздействие случайных «толчков», неурожаев или внешних войн, рано или поздно (если объем ресурсов не увеличится) должно разрушить систему. Именно так, в условиях Сжатия и социальной неустойчивости произошла катастрофа 1917–1922 годов.

Процесс верификации трехфакторной модели неразрывно связан с интерпретацией в контексте этой теории основных фактов российской истории. С одной стороны, фиксируя соответствие наблюдаемых явлений теоретическим положениям, мы получаем еще одно подтверждение теории, расширяем ее индуктивную эмпирическую базу. С другой стороны, соответствие наблюдаемых явлений теоретическому прогнозу позволяет интерпретировать эти явления с точки зрения теории, указать на их глубинные причины, показать что такие же явления наблюдались в других странах под действием тех же причин. Например, в выводах главы VII было зафиксировано более 30 социально-экономических процессов, которые реально наблюдались в России во второй половине XIX — начале XX века и которые находят свое объяснение в рамках демографически-структурной теории.

Как было показано выше, в большинстве конкретных случаев интерпретация, предлагаемая трехфакторной моделью, совпадает с представлениями тех или иных исторических школ и известных историков и таким образом находит подкрепление в уже существующих частных концепциях. В некоторых случаях она предлагает новое видение проблем, и это обстоятельство, возможно, требует проведения в данных случаях более подробных конкретно-исторических исследований, чем те, которые удалось провести автору в рамках данной работы. Это было бы вполне естественным, поскольку целью любого методологического исследования является не только обобщение достигнутых результатов, но и постановка задач для конкретных исследований, обнаружение «белых пятен» и спорных моментов в накопленной конкретно-исторической базе данных.

В любом случае необходимо подчеркнуть, что основным достоинством предлагаемой интерпретации российской истории является ее

теоретическая цельность и фундированность; используя эту интерпретацию, мы в конечном счете опираемся на исторический опыт других стран, обобщенный в составных частях трехфакторной модели—в демографически-структурной теории, в концепции диффузионизма, в теории военной революции и теории модернизации.

В заключение необходимо отметить, что предлагаемая интерпретация, разумеется, не исключает возможности других интерпретаций с использованием других методологий. В конечном счете вопрос о преимуществах той или иной модели может быть решен лишь практикой исторического исследования—повседневной работой тысяч историков, изучающих материалы разных стран и разных эпох.